

Е. А. Алексеев

Шаманская нарта (косула) у кетов

Из культовой атрибутики кетов практически не известным до недавнего времени оставался один интересный объект — так называемая шаманская нарта *косула* (*косула*). Сложное слово *косула* включает компоненты *сул* — нарта и *кос* — мн. ч. от *коч* — жертва.¹ Наиболее близким смысловым соответствием, видимо, будет «священная нарта», так как слово «жертва» имеет более определенное значение.

Все известные на сегодняшний день автору этих строк косулы были однотипны по устройству. Они представляли собой небольшой ящик-

Рис. 1. Косула кетского шамана.

нарточку (рис. 1) длиной до 0,5 м, шириной 20—25 см, высотой бортов 10—20 см, и состояли из дна с загнутым (наподобие лыжного) передним концом, двух полозьев (они же борта), скошенных спереди, задней спинки и откидной крышки. Пока трудно сказать, является ли данный вариант модификацией бытовых нарт (ручных или оленных), обусловленной значительной тяжестью содержимого, или его особенности имеют какие-то иные, возможно, достаточно древние корни. Изготавливали их, как и все другие деревянные предметы культа, из кедра. В преданиях упоминаются косулы из железа и меди. В связи с этим интересно отметить, что у одного косула из кетских собраний МАЭ дно и крышка сделаны из листовой красной меди.²

¹ Donner K. Ketica. Materialien aus den Ketischen oder Jenissei-Ostjakischen. — Mem. de la Société Finno-ougrienne (далее: MSFOu), 1955, vol. 108, p. 68.

² МАЭ, кол. № 6661-46. Этот экземпляр выделяется и некоторыми особенностями своего оформления (см. ниже).

Изготавливали коссул только «большому», пожилому шаману, уже обладавшему полным комплектом облачения и атрибутов, свидетельствовавших о доступности ему сакральной «верхней» сферы, т. е. бубном, паркой и железным головным убором; для действия шамана в земном (окружающем человека, «нижнем») мире достаточно было иметь колотушку, повязку на лоб, обувь. Шамана наделяли всем этим постепенно и в строго определенном порядке, обусловленном представлениями о семи основных этапах его становления. В коссуле находились преимущественно железные культовые предметы (изображения помощников и покровителей верхнего мира); до изготовления коссула эти вещи могли быть в снятой чулком шкуре гагары, утки (редко). После смерти шамана вещи оставались в его семье уже в качестве домашних фетишей-охранителей. Наследовались они, как и все другие предметы культа, по мужской линии и только среди сородичей; чужеродцев и иноплеменников к ним не допускали. При отсутствии наследников среди прямых родственников или сородичей коссул со всем содержимым надо было отнести в лес и оставить там в дупле или на сучьях дерева с восточной стороны.

Кеты верили, что наличие коссула в семье шамана-предка способствует общему благополучию, помогает охотничьему счастью. Перед началом промысла осуществлялись умиловительные действия: вещи вынимали, обертывали в новые лоскуты материи — приклады (белые или цветные); им ставили угощение. Все это совершал старший в семье мужчина.

Отношение кетов к коссулу отмечено спецификой (по сравнению с другими объектами домашнего культа), обусловленной представлениями о причастности хранящихся там вещей к верхней сфере. Коссул нельзя было ставить на землю (на пол); на стойбище для него изготавливали особый лабаз с восточной (чистой) стороны чума. В домах вещи помещали на чердаке, в то время как другие семейные охранители (женские алэлы, изображения умерших — *дауол'с* и др.) всегда находились в жилом помещении.

Человек, которому доверялось во время промысла перевозить коссул в своей нарте со стойбища на стойбище, избирался гаданием при помощи шаманской колотушки. Загадав исполнителя, колотушку подбрасывали вверх. Ответ считался положительным, если она падала плоской стороной вверх. Тот же человек на стоянке ставил лабаз. Не допускалось, чтобы в аргише ему предшествовала женская упряжка. Женщинам (исключая глубоких старух) запрещалось не только трогать вещи из коссула, но даже находиться поблизости от него, видеть его. При осмотре коссула М. Бердникова (пос. Келлог) в 1970 г. присутствовали пожилые женщины, родственницы нынешней хранительницы вещей (наследником считался ее сын, внук М. Бердникова), которые впервые видели вещи. Особо табуированным отношением к коссулу в прошлом, видимо, в какой-то степени объясняется отсутствие сведений о нем в этнографической литературе. В 1906 г. один экземпляр нарт был доставлен в МАЭ В. И. Анучиным,³ а затем опубликован в известной его монографии, посвященной кетскому шаманству.⁴ Вся информация о предмете, к сожалению, сводится там к одной фразе: «Ящичек, в котором лежит алалт, изображает собой нарты».⁵ Кеты, которым показывался рисунок, единодушно отрицали возможность держать в коссуле алэл как

³ Кол. № 1048-24.

⁴ Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков. — Сб. МАЭ, СПб., 1914. т. 2, вып. II, с. 87, рис. 109.

⁵ Там же.

предмет, с которым постоянно имеют дело женщины. Возможно, за алэл было принято изображение другого персонажа, например, Китатс' (см. ниже). Других упоминаний о коссуле кетов в литературе нет. В собраниях МАЭ имеется еще один экземпляр, привезенный в 1928 г. Н. К. Каргером с Подкаменной Тунгуски. В описи собирателя значится: «*gosul* — нарты для хранения культовых предметов».⁶

Существенно материал об этом атрибуте пополнился только совсем недавно. Его составляют информационные и иллюстративные данные, полученные во время полевой работы у кетов (преимущественно в 1970—1972 гг.), а также приобретенный у елогуйских кетов для МАЭ еще один коссул.⁷ Возможность получения этих сведений несомненно свидетельствует о полном изживании шаманистских представлений. Более устойчивыми в обыденном сознании кетов оказались верования в охранительные свойства коссула для потомков-сородичей шамана и в отрицательное воздействие его в случае нарушения необходимых предписаний. Именно этим объясняли свой отказ расстаться с вещами (в том числе и передать в музей) некоторые нынешние их владельцы. Молодые наследники предметов мотивировали это также желанием сохранить их как интересные, редкие предметы из прошлого своего народа.

Будучи символом «больших» шаманов, коссулы и прежде, видимо, встречались не часто. Неудивительно, что до наших дней сохранились лишь единицы. В 1971—1972 гг. было выявлено 6 коссулов, осмотреть и получить информацию удалось о четырех из них.

Собранным по поводу коссула опросным данным свойственны фрагментарность, определенная модернизация восприятия, неточность и т. д., но и при этом они сохраняют ценность нового источника этнографического изучения кетов. Что же касается предметов, обнаруженных в коссулах, то многие из них уникальны.

В отдельных случаях можно предположить возраст вещей. Так, например, некоторые предметы, показанные Т. М. Бердниковой (пос. Келлог, р. Елогуй), вероятно, были изготовлены около 200 лет назад.⁸ Немалую давность своих вещей, унаследованных от деда, тоже только хранителя их, предполагал Е. С. Сутлин (пос. Алинское на Енисее).⁹ В целом же возможность датировать предметы культа, даже с определенным приближением, на кетском материале представляется не часто.

При полевой работе в начале 1970-х годов выявились некоторые неизвестные ранее сведения о различных по своей семантике категориях шаманов у кетов, их покровителях и помощниках, специфике облачения и атрибутов и т. д.¹⁰ Как всякий новый, собранный только по воспоминаниям материал, они беспокоили опасностью неточности, предвзятости собирателя или информанта и т. д. Вещи из коссулов явились неожиданным материальным, предметным выражением и подтверждением этих вновь полученных и уже известных данных по кетской мифологии и

⁶ Кол. № 4034-173. По аналогии с другими материалами, о которых речь пойдет ниже, можно предполагать, что несколько предметов, значащихся в этом же коллекционном списке (№ 4034-170 b, c), составляли содержимое данного коссула. К сожалению, все они сейчас оказались в числе отсутствующих.

⁷ Кол. № 2022-604—615, 685—716; № 6661-46 (собиратели Е. А. Алексеенко и Л. Л. Левизи, фотограф Ю. Н. Маторин).

⁸ Первым владельцем их был прадед женщины, которой в 1971 г. было 77 лет.

⁹ При некоторых изображениях имеются монеты. Пролить свет на возраст вещей из коссулов, видимо, смогут и бронзовые зеркала и диски (рис. 2), если, конечно, удастся найти им уже известные аналогии.

¹⁰ Алексеенко Е. А. Материалы по кетскому шаманству (полевой сезон 1970 г.). — В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1970 г. JL, 1971, с. 45—46.

обряду. Ниже будут рассмотрены некоторые наиболее характерные примеры.¹¹

Уже говорилось, что при жизни шамана, первого владельца коссула, там хранились металлические предметы (самodelьные и подъемного характера), которым приписывалась роль покровителей и главных его помощников в верхнем мире. Среди них были антропоморфные и зооморфные фигуры, бронзовые зеркала и бляхи (рис. 2). Там могли храниться также средства передвижения шамана (лодки с веслами, лыжи), его оружие (луки, стрелы, острога, молоток и т. д.) (рис. 3, а, б). После смерти шамана в коссул, хранящийся у потомков или других родствен-

Рис. 2. Бронзовое зеркало из коссула.

ников, могли быть добавлены и другие вещи, но обязательно металлические (т. е. отмеченные признаком сакральной значимости¹²): подвески с облачения и части от атрибутов умерших шаманов-сородичей. Ко всем предметам, содержавшимся в коссуле, кеты относились как к живым существам, подобным человеку по образу жизни и мироощущению (вспомним представления о способности их быть благодарными, помогать, мстить и т. д.), но, кроме того, наделенным недостающими людям качествами и способностью проникать в стихии природы и сакральный верхний мир.

Наиболее многочисленную группу предметов в коссулах обычно составляют птицеобразные фигуры из железа. Среди них кеты выделяли реальных птиц — гагара, лебедя, журавля, каждой из которых отводилась определенная роль в шаманском действии: гагара была незаменима, если требовалось нырнуть в воду и достать что-либо со дна; журавль извлекал камень (червя) болезни; без лебедя шаман не мог отправиться в теплые края к Томам и т. д. Особое место занимали так называемые *jegыnc'* (букв. — железный *кынс'*, где *кынс'* — общее наименование персонажей мира нелюдей, «дух»)¹³. Их называли также *ес'кынс'* (небесный *кынс'*). Птицеобразное оформление (с крыльями и без таковых) обозначало причастность к верхнему миру. В коссул попадали *jegыnc'* (*ес'кынс'*), снятые с парки и бубна умершего шамана.¹⁴

Среди «небесных» *кынс'* кеты выделяли более и менее главных; некоторым из них, обычно персонифицированным в имени, приписывались

¹¹ Изучение материала, связанного с коссулом, открывает и ряд других существенных тем. Одной из них может стать выявление этнографических параллелей кетскому коссулу; о них сигнализирует, в частности, самодийский, угорский материал (сообщения Г. Н. Грачевой).

¹² Интересно сообщение кетов о том, что «железо» не могло находиться при алэлах и других предметах домашнего культа, так как обрядность по отношению к ним выполняли женщины.

¹³ Donner K. Ketica, p. 59. В. И. Анучин переводил слово *кынс'* как «злой дух», допуская, однако, в нем общее понятие «дух» (Анучин В. И. Указ. соч., 1914, с. 5).

¹⁴ Птицеобразные фигуры на аналогичных предметах Анучин назвал орлом, гагарой, лебедем (Анучин В. И. Указ. соч., с. 81, 83, 84). Все информанты,

особые функции. Таковым, например, был *селокс* — птицеобразная подвеска из железа, прикреплявшаяся к рукояти бубна и парке шаманов, наиболее распространенной категории *жадукс'* («олень»). *Селокс* символизировал способность шамана-оленя передвигаться (подниматься) в верхнем мире и саму силу этого движения. Этими представлениями обусловлены особенности изображения и его полиморфизм. Птицеобраз-

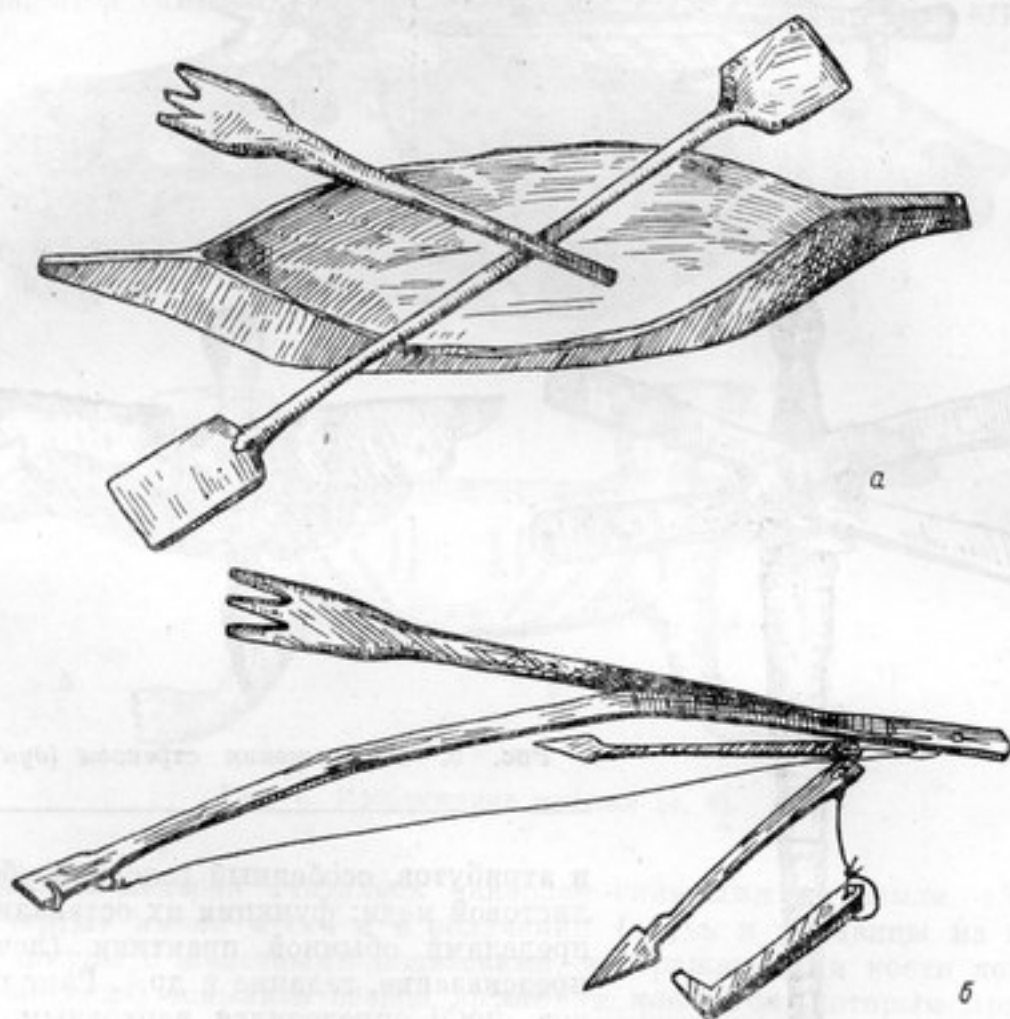

Рис. 3. Лодка (а) и оружие (б) шамана.

ный *селокс* мог быть изображен с оленьими рогами, двуглавым или с святой косой, напоминающей конскую гриву (рис. 4).¹⁵ Отличительной особенностью его было присутствие ляжки (медного кольца) на шее с отходящими от нее вожжами (два ровдужных ремешка).¹⁶ Семантика, выраженная изобразительными средствами, обнаруживается и в грамматическом оформлении названия этого мифологического персонажа: *селокс* — «олень живой, вверх (направленный, поднимающийся)».¹⁷

Уникальны изображения стрекоз — *дун'д*, хранящиеся в кассуле Е. Сутлина (рис. 5, а, б). В 1970 г. впервые были получены сведения

которым показывались рисунки, это подчеркивали, что «птиц здесь не должно быть, только кыс».

¹⁵ Последняя деталь, возможно, сохранилась как рудимент представлений, вызванных кочевым бытом предков кетов.

¹⁶ Анучин В. И. Указ. соч., с. 76, рис. 81. В. И. Анучин трактовал эту фигуру как изображение орла.

¹⁷ Анализ термина принадлежит Л. В. Виноградовой.

о шаманах высшей, престижной категории, олицетворявших собой при камлании стрекозу.¹⁸ Семантику образа выражали детали их облачения

Рис. 4. Селокс.

Рис. 5. Изображения стрекозы (дун'д).

и атрибутов, особенный головной убор из листовой меди; функции их оставались за пределами обычной практики (лечение, предсказание, гадание и др.). Ранг шаманов *дун'д* определялся верховным положением в пантеоне их воображаемой покровительницы и матери Томам.¹⁹ Публикуемые железные изображения *дун'д* являются ярким предметным подтверждением этих информационных сведений. Интересно, что вместе с самодельными стрекозами в этом же коссуле имелся медный петличный знак, о котором известно, что он был найден на крыше илимки

¹⁸ Ранее от К. Доннера было известно только о веревке с колокольчиком на кольце, именовавшейся *dond e his* («хвост стрекозы»), которую шаманы привязывали к одежде, о том, что слово «стрекоза» часто встречалось в шаманских песнях, и, наконец, выражение *dun t kyng* (стрекоза-кынг) в значении «дух-помощник шамана» (см.: Donner K. *Ethnological Notes about the Jenissey-Ostjak (in the Turukhansk Region)*. — MSFOu, 1933, vol. 66, p. 81; Ketica, 1955, p. 39).

¹⁹ См. о ней: Donner K. *Ethnological Notes...*, 1933, p. 85; Анучин В. И. Указ. соч., с. 7; Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Комментарий к описанию кетской мифологии. — Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969, с. 152; Алексеенко Е. А. Культы у кетов. — В кн.: Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977, с. 33—34.

(большая лодка с крытой жилой частью), и который воспринимался как «упавший с неба дун'д». Ему придавалось особое значение.²⁰

Неожиданным явилось присутствие в коссулах изображений медведя — широко известного персонажа кетской мифологии и культа,²¹ но связывавшегося обычно с действиями своего хозяина в земном мире. У кетов была категория шаманов, олицетворявших собой при камлании медведя; этой семантике служили особенности их облачения и атрибу-

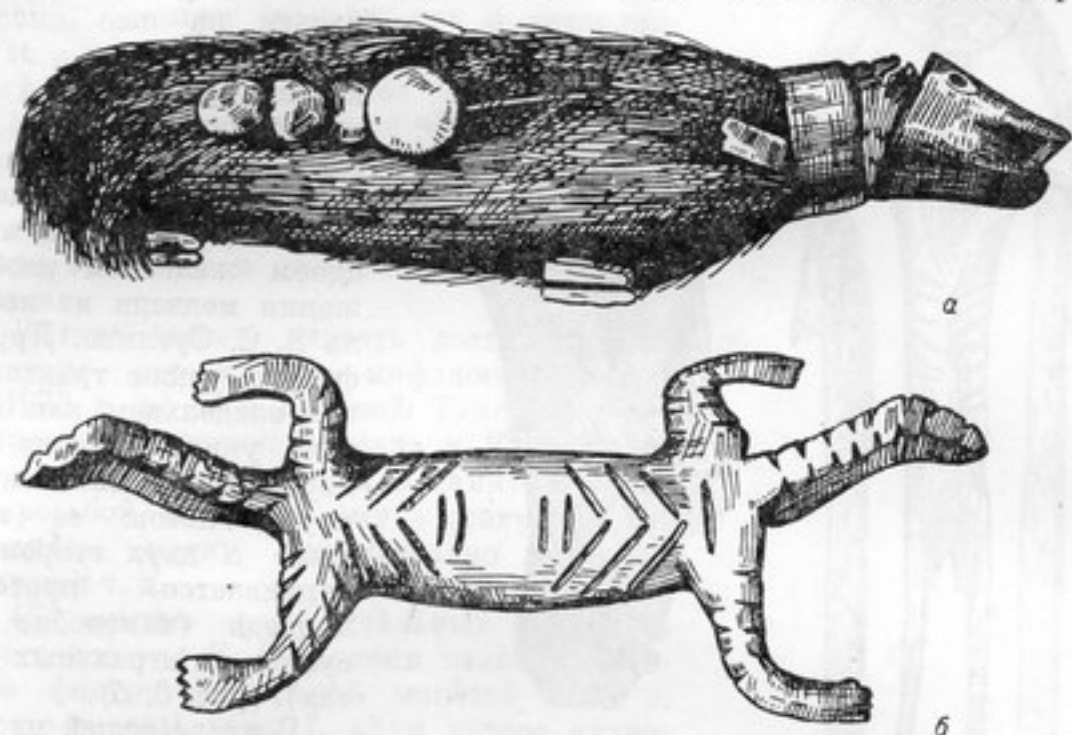

Рис. 6. Изображения медведя (а, б).

тов. Шаманы-медведи считались наиболее сильными на земле. «Медвежьи черты» имели место и в облачении (обувь и рукавицы из медвежьей шкуры с железными подвесками, изображающими кости конечностей медведя) шаманов особой категории *кандэл'ок*, которым приписывалась способность подниматься до 1-го круга верхнего мира, а также в аналогичных деталях на обуви шаманов *кадукс'* («олень»). В обычае кетов было хранить высушенную лапу медведя; с ее помощью гадали, наподобие гаданию с колотушкой, о предстоящем промысле. На празднике по случаю добычи медведя рисовали его фигуру порошком на листе бересты; скульптурного железного изображения животного до осмотра коссулов встречать не приходилось.²²

В некоторых коссулах (например, Е. С. Сутлина) имелось несколько медвежьих фигур (рис. 6). Наиболее простой вариант — изображение животного было вырезано из листовой меди,²³ все остальные изображения,

²⁰ Когда хозяин коссула долго находился в больнице г. Норильска, его жена помыслала сына на чердак взглянуть, не потускнел ли этот дун'д, дабы «узнать» по его виду, как обстоят дела с мужем.

²¹ Анучин В. И. Указ соч., с. 12—13, 44—45 и др.; Алексеенко Е. А. Культ медведя у кетов. — СЭ, 1960, № 4, с. 90—104; Крейнович Е. А. Медвежий праздник у кетов. — Кетский сборник, с. 12—111; Алексеенко Е. А. Культы у кетов, с. 41—45.

²² На священных местах (*холай*) обычно ставили фигуру медведя из дерева (Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX—первой половины XX вв. Л., 1970, с. 132; Алексеенко Е. А. Культы у кетов, с. 60).

²³ Кол. № 6661—476.

которые довелось увидеть, отличались большой выразительностью и мастерством изготовления. Характерен в этом отношении медведь из коссула М. Бердникова (рис. 6, а). Реалистично выполненная фигура животного оклеена медвежьей шкурой; морда с раскрытой пастью и лапы покрыты листовой медью; на шее имеется медный ошейник, а на боках прикреплено по 4 медных бляшки. Медные детали (в виде двух лямок, закрепленных поперек туловища) имелись и на одном железном изображении медведя из коссула Е. С. Сутлина. Другая фигура, также трактованная владельцем как медведь, уникальна для зооморфной железной скульптуры кетов: ее туловище с двух сторон заканчивается протомой медведя (наподобие рисунков на игральных картах) (рис. 6, б).

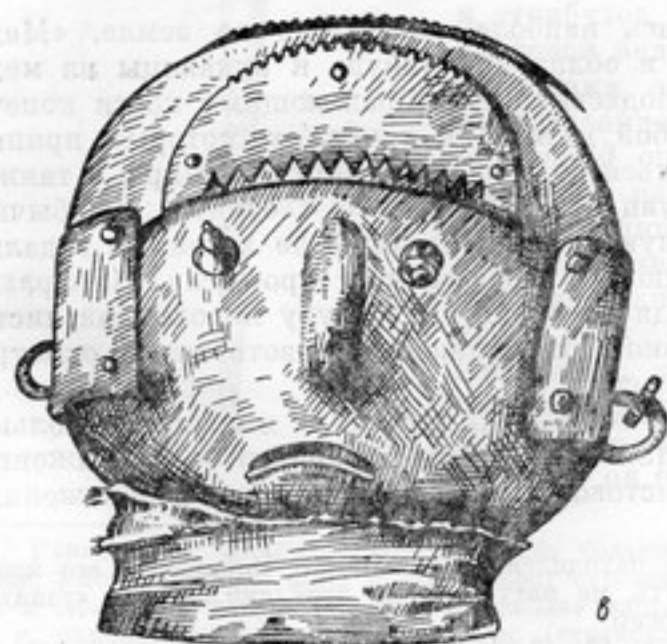
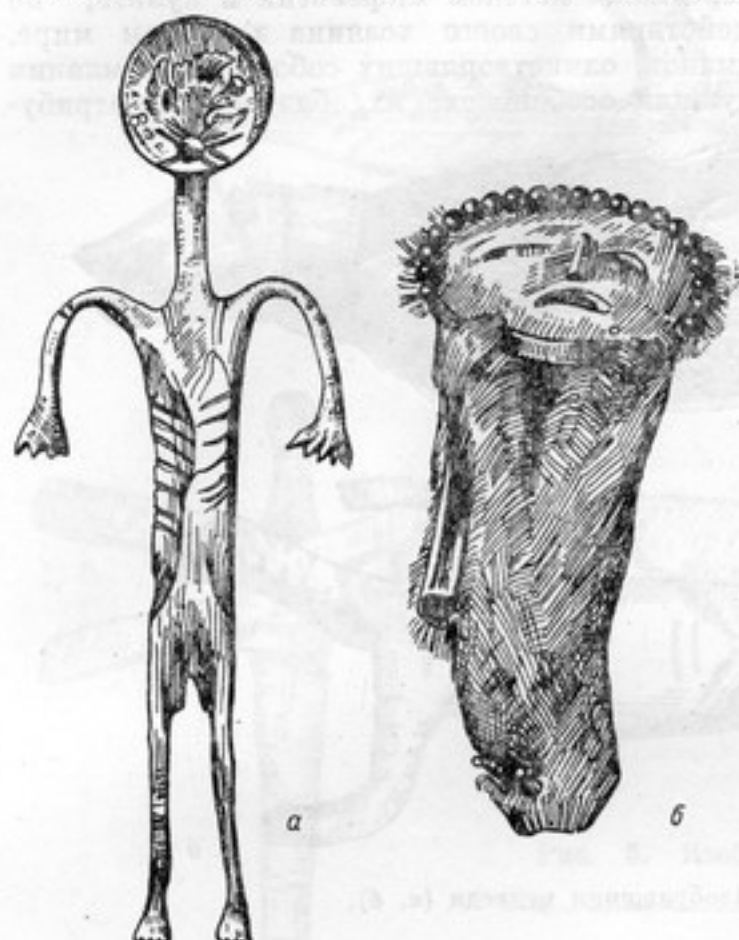

Рис. 7. Антропоморфные изображения (а, б, в).

по рекам верхнего мира исполняет роль рулевого (направляющего); может нырять и долгое время быстро плыть под водой; обладает

²⁴ С. В. Иванов выделил его как II западносибирский тип (Иванов С. В. Указ. соч., с. 139, 140).

способностью одновременно видеть вперед и назад. Этими качествами информанты объясняли отогнутое положение головы; известны изображения Китатс' с янусовидной головой («смотрит сразу в разные стороны»). Китатс' признавали большим помощником шамана, но отношение к этому персонажу было неоднозначное. Считалось, что Китатс' может причинить значительный вред как самому шаману, так и наследникам, владеющим после его смерти коссулом. На все просьбы отдать этот редкий предмет в музей нынешняя хранительница, женщина средних лет, отвечала отказом. По ее словам, Китатс' ничего не стоит вырваться из-под любого замка, вернуться из Ленинграда в Келлог и отомстить за нарушение обычая.

Китатс' можно считать достаточно известным персонажем мифологии кетов. В 1972 г. на Подкаменной Тунгуске было записано обращение шамана к Китатс' (из его песни, сохранившейся в памяти людей) с просьбой помогать ему — правильно направлять лодку, внимательно смотреть вокруг и т. д.

«Главными» среди остальных предметов своего коссула Е. С. Сутлин назвал железную фигуру с царской монетой 1814 г. вместо головы (рис. 7, а) и другое антропоморфное изображение с круглой подвеской (монета 1780 г.; рис. 7, в). Сколько-нибудь подробных сведений от хозяина получить не удалось, и не исключено, что причиной тому была особая сакральная значимость образов, которые эти фигуры воплощали. Предполагать это можно хотя бы на основании сообщения Е. С. Сутлина о том, что ему известны «рисованные из железа» Боксејдес' и Баңрэхып. Оба персонажа занимают высокое положение в шаманском пантеоне кетов. Боксејдес' (боксеј — место кострища, ес' — небо, бог) ведал появлением и становлением шаманов, связанных с верхним миром, наделял их внешними знаками причастности к этому миру — паркой, железным головным убором и т. д. Сын земли (Баңрэхып) — первый шаман (подробнее о нем см. ниже), считалось, давал бубен.

В надежде на то, что найдутся аналогии, публикуем еще один специфической формы предмет из коссула Е. С. Сутлина, который, на его взгляд, имеет большую давность и который он не смог точно определить, отметив только его опорную функцию по отношению ко всему содержанию коссула (рис. 8).²⁵

Ценную информацию несет и традиционное внешнее оформление самого коссула — цвет и сюжет рисунков на наружной стороне бортов, заднике, иногда крышке. Красной краской (символ верхнего мира)²⁶ там изображались солярные знаки: семилучевые солнце и месяц с пти-

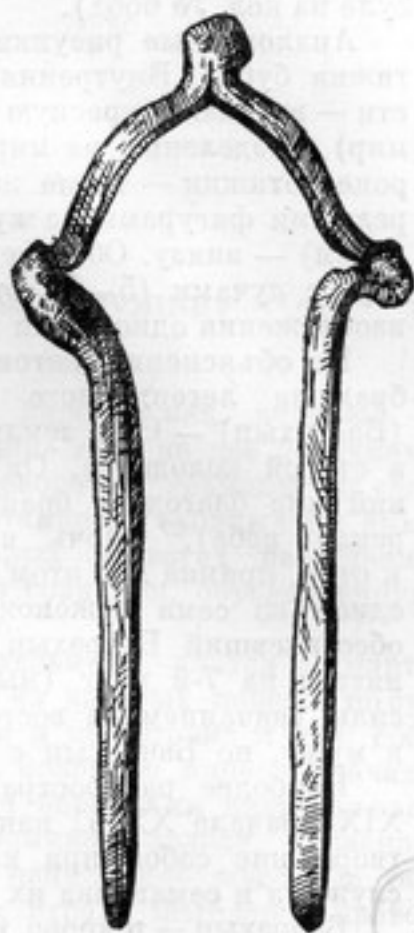

Рис. 8. Улат'.

3

²⁵ Об этом же значении, возможно, сигнализирует и название вещи: улат' (ср. ул' — «ребро», ат — «кость»).

²⁶ В красный цвет могла быть выкрашена и вся наружная поверхность коссула. Ту же семантику верхнего мира, вероятно, выражает и использование красной меди.

искусство

ис редра Арама?

пеобразными фигурами на каждом или одном (центральном — у месяца) луче, антропоморфная фигура с семью отростками-лучами на голове, олени (обычно семь, но мог быть и один олень, как, например, на коссуле из кол. № 6661).

Аналогичные рисунки и цветовая символика характерны и для обтяжки бубна. Внутренняя ее сторона могла быть разделена на две части — верхнюю красную (верхний мир) и нижнюю черную (земной мир). Разделению на миры соответствовали и рисунки на наружной стороне обтяжки — такие же, как на коссуле, солярные знаки с птицеобразными фигурами на лучах вверху (охрой), медведь, лось (сажей, пороховом) — внизу. Обе сферы соединяла центральная антропоморфная фигура с лучами (5—7), отходящими от головы. Обычными были здесь и изображения одного или нескольких оленей.

По объяснению кетов, центральная фигура с лучами на голове изображала легендарного первого шамана, которого звали Баңрэхып (Баңдэхып) — Сын земли. О нем известно, что он родился «от земли, в старой колодине». Он первый среди людей получил доступ в верхний мир благодаря браку с дочерью Еся (верховное начало, олицетворение неба).²⁷ Дочь неба (Ес'тэхун'), обидевшись, ушла от него к отцу, приняв при этом (чтобы не быть обнаруженной) облик *қадукс'* — одной из семи важенок («ее партия — семь оленей»). Гонимый оленей, обессиленный Баңрэхып («одни кости остались») вынужден был подняться на 7-й круг (мыс) верхнего мира к Есю. Тот восстановил его силы (качанием на восточную сторону). *Қадукс'* (Ес'тэхун') вернулась к мужу, но Баңрэхып с той поры остался на 2-м круге верхнего мира.

Наиболее распространенной категорией шаманов у кетов в конце XIX—начале XX в., как уже говорилось, были шаманы *қадукс'*, олицетворявшие собой при камлании важенку дикого оленя. Этому образу служила и семантика их облачения и атрибутов.

Баңрэхып — широко известный в кетской среде мифологический персонаж. Ему приписывается слава кузнечного мастера (иногда его называют «первым кузнецом»). Считалось, что именно он повелевал шаману изготовить то или иное железное изображение, подвески, а тот в свою очередь извещал об этом непосредственных исполнителей. Кеты верили, что изготовленные людьми железные предметы культа — только копии («рисунки») оригиналов, имевшихся у Сына земли, поэтому особое значение в их глазах имел подъемный материал; находки назывались «небесным железом» и считались «спущенными» Сыном земли.

Приведенные и другие имеющиеся сведения, как представляется, позволяют достаточно уверенно идентифицировать изображения на коссуле и бубне.²⁸

В информационных данных о Сыне земли и *қадукс'*-олене, видимо, можно предполагать разрозненные свидетельства архаичной мифологии кетов, получившей реализацию также в изобразительном искусстве и обрядовом, в том числе и шаманском, действии, фольклоре.²⁹

В общей форме такое заключение может быть сделано по отношению ко всем примерам, рассмотренным на материале кетского коссула.

²⁷ Анучин В. И. Указ. соч., с. 3 и др.; Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Указ. соч., с. 149—150 и др.; Алексеенко Е. А. Культы у кетов, с. 31—32.

²⁸ Имеется и одна прямая информация, что на коссуле изображался Баңрэхып, но такой ответ мог быть искусственно навязан вопросом, не данный ли персонаж здесь представлен.

²⁹ См. сказку о Сыне земли, записанную А. П. Дульзоном (Дульзон А. П. Сказки народов Сибирского Севера. I. Томск, 1972, с. 24—25, 99—100), а также: Алексеенко Е. А. Обряд и фольклор у кетов. — В кн.: Фольклор и этнография. Обряд и обрядовый фольклор. Л., 1974, с. 32—33.